

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

1990

2

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

М. К. ХАСАНОВ

«КОКАНДСКАЯ АВТОНОМИЯ» И НЕКОТОРЫЕ ЕЕ УРОКИ

Глубокое изучение истории создания и функционирования на протяжении почти четырех месяцев «Кокандской автономии» является ныне немаловажной задачей, ибо она наглядно подтверждает правомерность того известного положения, что законы общественного развития действуют не вне воли и сознания людей, а субъективизируются и неизбежно запечатлевают на себе интеллектуальный уровень и идеологические ценности тех политиков, которые были непосредственно причастны к их практической реализации. «Кокандская автономия» и тесно связанный с нею новый этап развития басмачества, знаменовавшийся превращением обычной бытовой уголовщины в остро политизированное движение, охватившее на определенном этапе относительно широкие слои коренного населения, служит горькой и поучительной иллюстрацией известного ленинского положения о том, что «политика — это фактическая судьба миллионов людей»¹. Ведь идея автономии Туркестана родилась уже после Февраля и была весьма популярна в среде не только исламских фундаменталистов, национальной буржуазии, но и демократически настроенной национальной интеллигенции, а также части рядового дехканства, входившего в небезызвестные «Иттифаки»².

Великий Октябрь существенно динамизировал популярность этой идеи. В «Декларации прав народов России» от 2 (15) ноября 1917 г. особо отмечалось, что, исполняя волю народов, «Совет народных комиссаров решил положить в основу своей деятельности по вопросу о национальностях России следующие начала: ...2. Право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. 3. Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений»³. В обращении «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» от 20 ноября (3 декабря) 1917 г. указывалось, что «отныне ваши верования и обычай, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными... Знайте, что ваши права, как и права всех народов России, охраняются всей мощью революции и ее органов, Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»⁴.

Мы обращаем внимание на содержание этих документов по двум причинам. Во-первых, потому, что краевое правительство, избранное II Краевым съездом Советов Туркестанского края (ноябрь 1917 г.), в специальной телеграмме на имя В. И. Ленина и Центрального Сов-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 132.

² Алексеенков П. Кокандская автономия. Ташкент, 1931. С. 10—11, 28.

³ В. И. Ленин о Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1982. С. 454.

⁴ Там же. С. 457.

наркома особо подчеркнуло, что оно поставило «своей задачей проведение в жизнь всех ваших декретов», в связи с чем и просило «расчитывать на полную нашу поддержку»⁵.

Во-вторых, приведенное выше заверение о полной готовности выполнить все установки Центра, а значит, и в вопросе о самоопределении, фактически не получило адекватного отражения на практике. Иначе трудно объяснить, почему в известном воззвании Совнаркома Туркестанского края, избранного III Краевым съездом Советов, об этом ничего не говорится. Правда, в нем содержится абстрактное обещание того, что «Совет примет все меры к распространению идей свободы, равенства и братства в среде мусульманского трудового населения, дабы ускорить объединение трудящихся масс»⁶.

Такую расплывчатость формулировки по вопросу о путях практической реализации ленинской национальной политики в регионе нельзя, видимо, рассматривать иначе, как недооценку со стороны краевых властей остроты этой проблемы. А между тем буквально в эти же дни вопрос об автономии Туркестана начал трансформироваться из абстрактной идеи уже в конкретные дела. 26 ноября 1917 г. в Коканде начал свою работу хорошо известный историкам IV Чрезвычайный краевой мусульманский съезд.

В его работе приняло участие свыше 200 человек. Кроме делегатов от областей, на нем присутствовали представители таких общественных организаций, как Шуро-и-Исламия, Шуро-Улема, горнорабочих-мусульман, воинов-мусульман, краевой еврейской организации, среднеазиатских евреев и др.

Не будем особо останавливаться здесь на негативных аспектах этого события, поскольку не одно поколение историков посвятило этой стороне дела свои исследования. Отметим лишь, что целый ряд демократически настроенных представителей национальной интеллигенции на этом съезде высказали мысль отнюдь не узконационалистического характера. В частности, известный узбекский просветитель Бехбуди в своем выступлении по вопросу о правомочности съезда особо отметил, что «решения съезда будут тем более авторитетными, что на съезде присутствуют представители европейского населения Туркестана»⁷. При этом Бехбуди предложил соответствующим образом сконструировать и президиум съезда, включив в него представителей от различных немусульманских групп (русских, евреев и т. п.). Его поддержал представитель Андижана. Выступивший вслед за ним представитель Коканда не только присоединился к этому мнению, но и вообще предложил «приступить к выбору президиума не по областям и отдельным вероисповедальным и национальным группам, а просто толковых, знающих и работоспособных людей»⁸. Более того, уже в ходе заседания было решено для участия в работе съезда пригласить «сведущих людей из европейского населения»⁹.

Съезд работал три дня и принял целый пакет важных документов.

Чего же хотели идеологи «Кокандской автономии», каким видели они будущее Туркестана? Ответ на этот вопрос содержится в принятых съездом документах. В частности, в резолюции, принятой в 12 часов ночи 27 ноября 1917 г., оказывается, что «съезд, выражая волю населяющих Туркестан национальностей к самоопределению на началах, возвещенных Великой Российской революцией, объявляет Турке-

⁵ Цит. по: Очерки истории Коммунистической партии Узбекистана. Ташкент, 1974. С. 54.

⁶ Туркестанский вестник. 1917. 25 нояб.

⁷ Там же. 1917. 9 дек.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

стан территориально автономным в единении с Федеративной демократической Российской республикой (подчеркнуто нами. — М. Х.), предоставляя установление форм автономии Туркестанскому Учредительному собранию». Причем съезд, как отмечается далее, «торжественно заявляет, что права населяющих Туркестан национальных меньшинств будут всемерно охраняться»¹⁰ (подчеркнуто нами. — М. Х.).

28 ноября было определено название формирующегося образования — «Туркистан мухтариат» («Туркестанская автономия»).

До момента созыва Всетуркестанского учредительного собрания всю полноту государственной власти, согласно документам, принятым съездом, предполагалось сосредоточить в руках Туркестанского Временного Совета и Туркестанского народного правления.

Численность Туркестанского Временного Совета была определена по числу мандатов ранее делегировавшихся от Туркестана депутатов во Всероссийское Учредительное собрание (32 человека)¹¹. Общая численность Временного Совета была определена в 54 человека. Причем в его состав включались не только представители, избранные на мусульманском съезде, но и 4 представителя от съезда городских самоуправлений. 18 мест было выделено для представителей от различных краевых «европейских» организаций. Таким образом, 1/3 мест выделялась некоренной, европейской части населения края¹², составлявшей тогда примерно 7% всего населения Туркестана¹³. В подтверждение искренности намерений демократически настроенной части идеологов «Кокандской автономии» можно сослаться на предложенную ими систему выборов. Она должна была строиться по принципу пропорционального представительства национальных курий, т. е. каждой крупной этнической группе фактически гарантировалась жесткая квота мест в высших органах «автономии»¹⁴.

Как видим, демократически настроенной части национальной интеллигенции, принимавшей участие в подготовке и утверждении документов, удалось провести и утвердить идеи, характеризуя которые, нельзя не отметить их своеобразного демократизма.

По экономическим проблемам съезд принял решение об установлении взаимоотношений с небезызвестным «Юго-Восточным союзом», опиравшимся на помочь англичан и обещавшим «автономистам» помочь не только военную, но и экономическую. В частности, «помочь краю во время голода хлебом, на условиях обмена его на хлопок, шерсть и мануфактуру или по заготовительной цене»¹⁵.

Надо также подчеркнуть, что земельный вопрос, пожалуй, один из самых жгучих для многих районов Туркестана, в документах «автономистов» не отражен.

Не останавливаясь на эволюции политических настроений лидеров и идеологов «Кокандской автономии», отметим только, что на всем протяжении ее существования позиции исламских фундаменталистов были очень прочными. Это видно уже по тому, что исламу в «Туркестанской автономии» отводилось место государственной религии. Уже в заявлении III Краевого мусульманского съезда (сентябрь 1917 г.) говорилось, что «пути к самоопределению мусульман и к достижению ими общечеловеческого прогресса не могут быть иными, как только те, какие указаны в Коране и Шариате»¹⁶.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. 1 дек.

¹² Там же.

¹³ Климов С. Военно-организаторская деятельность Коммунистической партии в Средней Азии в 1917—1924 гг. Ташкент, 1987. С. 17.

¹⁴ Новый путь. 1918. 24 янв.

¹⁵ Туркестанский вестник. 1917. 1 дек.

¹⁶ Там же. 25 нояб.

Практически это выражалось в том, что именно фундаменталисты пользовались особым влиянием на боевиков Иргаша, приглашенного «автономистами» на пост «начальника милиции». Это означало, что уже тогда внутри «автономии» создалось «двоевластие»: с одной стороны, — четырехтысячная банда уголовников, находившаяся фактически в руках клерикалов, а с другой, — собственно «автономное» правительство.

В конечном счете это «тонкое место» и было использовано Иргашем при перевороте, завершившемся провозглашением его «кокандским ханом» и бегством кабинета «Кокандской автономии» из города¹⁷.

Возникает вопрос, а какова была позиция краевых властей в вопросе об автономии края, почему они медлили с ее провозглашением, располагали ли они полномочиями для этого и кто же несет историческую ответственность за этот по сути дела один из первых провалов в национальной политике, повлекших за собой много бед?

Ведь парадокс исторической фабулы заключается в том, что идея о предоставлении Туркестану статуса автономного образования краевыми властями никогда не отвергалась. В частности, в ходе обсуждения вопроса о санкционировании известной демонстрации и митинга в Ташкенте 13 декабря 1917 г., посвящавшихся религиозному празднику («мавлюд шариф») и идее автономии Туркестана, И. О. Тоболин — фактический лидер коммунистов края — высказался в том плане, что это дело надо не просто разрешить, но и принять в нем участие руководству края с тем, чтобы объяснить суть позиции Советской власти по вопросу автономии Туркестана. Демонстрация эта, как известно, была использована противниками большевиков в качестве завесы для организации антисоветского путча и привела к гибели 16 жителей «старого» города.

Сразу же после случившегося в Петроград, в адрес Совнаркома ушла телеграмма с подробной информацией о произошедшей трагедии и ее политической подоплеке. Сообщалось также, что «в Коканде реакционным классом провозглашена была в принципе автономия Туркестанского края» и что «образовавшееся автономное правительство, не признаваемое пролетарскими массами Туркестана, всеми силами подготавливается к провозглашению автономии в отдельных городах края. 13-го сего декабря, в день рождения Магомета, в Ташкенте провозглашена автономия». Ф. И. Колесов, занимавший в то время пост Председателя краевого Совнаркома, просил директив Центра¹⁸.

16 декабря 1917 г. вопрос о положении в Туркестане стал предметом обсуждения на заседании Совнаркома с участием В. И. Ленина¹⁹.

27 декабря И. В. Сталин, выступая на заседании ВЦИК с докладом о взаимоотношениях с Центральной Радой, особо отметил, что «областные центры, построенные по типу Советов народных комиссаров (Сибирь, Белоруссия, Туркестан) (подчеркнуто нами. — М. Х.), обращались в Совет народных комиссаров за директивами. Совет народных комиссаров ответил: вы сами власть на местах, сами же должны вырабатывать директивы»²⁰.

В январе 1918 г. на IV Краевом съезде Советов позиция правящей коалиции определилась со всей полнотой. В частности, один из лидеров туркестанских коммунистов И. О. Тоболин, не отрицая в прин-

¹⁷ Алексеев П. Кокандская автономия. С. 64.

¹⁸ Наша газета. 1917. 15 дек.

¹⁹ Владимир Ильин: Биографическая хроника (1870—1924 гг.). Том 5. М., 1974. С. 137.

²⁰ Документы по истории гражданской войны в СССР. Т. I. М., 1941. С. 56.

ципе необходимости предоставления статуса автономии Туркестану, изложил свое понимание ключевых условий для его практической реализации. Поскольку в стране разгоралась гражданская война, И. О. Тоболин считал провозглашение автономии в тот момент крайне несвоевременным делом, а посему ключевой задачей партии и Советов является подготовительная работа, включавшая в себя вовлечение в политический процесс коренного населения, подготовку кадров из представителей коренных национальностей и т. п. Эти позиции были отражены в резолюции съезда по вопросу об автономии. Провозглашение автономии было фактически отодвинуто на неопределенное время²¹.

Раскрывая причины столь своеобразного отношения к проблемам национальной политики и такого важного ее аспекта, как кадровый, Д. И. Манжара позже прямо писал, что фактически «дух великореволюционного шовинизма сидел еще крепко в головах многих русских, даже руководящих товарищей», поскольку уже к тому времени «была группа не только интеллигентов, но и рабочих-националов, достаточно проявивших себя на работе и проверенных в период революционной борьбы с февраля по октябрь 1917 года»²².

Примечательно, что в дни работы IV Краевого съезда Советов правительство «Кокандской автономии» прислало в адрес съезда телеграмму о своем намерении созвать 20 марта 1918 г. Учредительное собрание «на основе всеобщего, прямого, равного, тайного голосования с предоставлением немусульманскому населению 1/3 мест с применением принципа пропорционального представительства для каждой курии»²³.

Именно к этому времени относятся свидетельства того, что разногласия среди «автономистов» начали резко обостряться. Националисты и клерикалы все более брали реальную власть в свои руки. Власть Советов они решительно отвергали. Предпринимались попытки захвата кокандской крепости, угрозы вырезать все европейское население Коканда, адресованные Кокандскому Совету, и т. п. Можно без всякого преувеличения и сегодня сказать, что именно мужество и героизм рабочих-железнодорожников, бойцов Скобелевской боевой дружины под командованием К. П. Осипова, хладнокровие и выдержка лидеров Кокандского Совета и ревкома в лице Е. А. Бабушкина, Месхе, Сазонова и других спасли тысячи жителей Коканда от истребления их бандами Иргаша. Это одна из самых ярких страниц истории гражданской войны и защиты завоеваний Октября в Туркестане.

Но судьба «Кокандской автономии» и ее уроки — это не только высочайшее мужество рабочих-железнодорожников, красноармейцев, их командиров, партийных и советских работников. Это и серьезные просчеты, уроки из которых не были вовремя извлечены. Ликвидация «Кокандской автономии», а точнее масштабы и характер средств, использованных в этой связи, — тому пример. Ведь в завершающей части этой операции было использовано 12 артиллерийских орудий. Причем в зону обстрела, продолжавшегося с 1 часа дня до темноты, попали не только дома мирных жителей «старой» части Коканда, но и мечети, где пыталось укрыться население. После чего были задействованы воинские части под командованием военного комиссара Туркестанской Республики Е. Л. Перфильева и отряд боевиков партии «Дашнакцутюн». Последние сыграли в буквальном смысле провокаторскую роль. Ворвавшись в «старый» город, они начали попросту грабить дома.

²¹ Наша газета. 1918. 25 янв.

²² ЦГА УзССР, ф. Р-1747, оп. 1, д. 1, л. 60.

²³ Новый путь. 1918. 24 янв.

К ним присоединилась и часть красноармейцев²⁴. Политическая нецелесообразность и низкая эффективность предпринятой с санкции Е. Л. Перфильева операции видна уже хотя бы из того факта, что Иргаш со своими боевиками сумел скрыться, а политический резонанс этого эпизода был крайне негативным. Как писал несколько позже нарком внутренних дел Туркеспублики, именно характер средств, использованных при ликвидации «Кокандской автономии», нанес «незаживающую рану сознанию населения»²⁵. Д. И. Манжара также отмечает, что «при самой ликвидации «Кокандской автономии» мы допустили вторую ошибку. Вместо того, чтобы окружить тесным кольцом старый город и заставить всех их сдаться... мы открыли артиллерийский огонь по старому городу, а потом пустили вооруженных дашнаков и другие отряды. В результате начались грабежи и насилия, от которых пострадало население, не только ничего общего не имевшее с автономистами, но даже являвшееся их противниками»²⁶.

На особое место данного эпизода в военно-политической истории региона указывает и то, что проблема «Кокандской автономии» всплывала в качестве темы на переговорах представителей Советской власти и лидеров басмачества и в последующие годы²⁷. По сути дела идея автономии стала знаменем, идеологическим символом, активно использовавшимся лидерами басмаческого движения. Подтверждением тому может служить не только известная попытка Мадаминбека сформировать «Временное правительство Туркестана»²⁸, но и то, что много позже при проработке качественно новых вариантов борьбы с басмачеством в партийных кругах Туркестана обсуждался проект предоставления Фергане статуса «автономной республики»²⁹.

Были ли сразу же после ликвидации «Кокандской автономии» сделаны принципиальные выводы? Представляется, что в полной мере — нет, хотя обсуждение итогов ее проходило очень остро на известном заседании Ташсовета 23 февраля 1918 г. В частности, большевик Г. М. Цвиллинг от имени фракции большевиков предложил вынести «порицание фактам захватов, имевших место среди наших отрядов».

Лидер фракции меньшевиков-интернационалистов Вайнштейн при обсуждении доклада Е. Л. Перфильева прямо заявил: «Мы слышали о вражде между русскими и сартами, армянами и персами, мы слышали проекты о том, как бы защитить себя от мусульман. Вместо классовой борьбы, таким образом, мы имеем борьбу национальную». «Из доклада, — отмечал далее Вайнштейн, — мы видим лишь одно, что национальная рознь, которую поддерживало монархическое правительство и которая является злейшим врагом социализма, расцвела при господстве социалистической власти». Было сказано также, что «власть, прибегающая к приемам, на которые не могло рискнуть царское правительство, оказывается бессильной охранить жизнь русских людей». Вайнштейн подверг также сомнению заявление о том, что трудовое дехканство не хотело автономии, поскольку у Перфильева «основания те, что после того, как мусульмане были обстреляны из пушек, они изъявили готовность к подчинению. Но разве они таким же образом не изъявили своей покорности Куропаткину? И тов. Пер-

²⁴ Наша газета. 1918. 26 фэвр.

²⁵ ЦГА УзССР, ф. Р-17, оп. 1, д. 45, л. 127.

²⁶ Там же, ф. Р-1747, оп. 1, д. 1, л. 67.

²⁷ Боевые эпизоды — басмачество в Фергане и Хорезме/Сост. А. Мар. М.; Ташкент, 1934. С. 42; см. также: Турсунов Х. Т. Национальная политика Коммунистической партии в Туркестане (1917—1924 гг.). Ташкент, 1971. С. 228.

²⁸ История гражданской войны в Узбекистане. Т. I. Ташкент, 1964. С. 177.

²⁹ ЦГА УзССР, ф. Р-17, оп. 1, д. 45, л. 128.

фильев, рассуждающий и поступающий таким образом, является в таком случае Куропаткиным»³⁰. В заключение Вайнштейн потребовал «немедленного создания комиссии для расследования дела и привлечения к строгой ответственности всех — от рядового красноармейца до руководителей отрядов, кто виновен в образовании темного пятна на красном знамени революции».

И. О. Тоболин вступил с ним в полемику, заявив, в частности, следующее: «Этой партии (меньшевиков-интернационалистов. — М. Х.) можно лишь сказать — спрячьте свою критику в карман. Ибо критиковать может лишь тот, кто творит, и не вам, трусам, сидеть в следственной комиссии, ибо вы сами должны сидеть на скамье подсудимых». Обозвав далее меньшевиков «кликушами русской революции», Тоболин счел необходимым заявить, что «вообще смешно (подчеркнуто нами. — М. Х.) говорить о жестокости в такой момент и в такой борьбе». Оценив факт грабежей и насилий как «позорный», он в то же время призвал рассмотреть его с психологической точки зрения, поскольку «никогда в истории не существовало столь организованных масс, чтобы не происходило подобного захвата». Предложение о создании следственной комиссии по расследованию фактов грабежей лидером туркестанских коммунистов было заблокировано, «ввиду того, что оно не подано в письменной форме»³¹.

В конечном счете большинством голосов была принята резолюция, одобрявшая деятельность военных в Коканде и осуждавшая имевшие место грабежи. Разбор всех инцидентов был передан на рассмотрение трудовых коллективов предприятий и организаций, откуда были призваны бойцы³².

В отношении дашнаков меры были приняты также не сразу — лишь в 1919 г. Да и то, видимо, не без трудностей. Ведь у руководства крайкома партии в лице И. О. Тоболина взгляд на роль дашнаков в революционном процессе региона отличался большим «своеобразием». Иначе трудно объяснить его реакцию на пассаж лидера местной «Дашнакцутюн», заявившего в приветствии I съезду Компартии Туркестана, что «истинно революционный дух ваш близок нам, с ним мы связаны органически» и что «мы с вами и на нас можете рассчитывать в трудную минуту, как на себя».

Тоболин не только воспринял это заявление безоговорочно, но и добавил в ответной речи следующее: «Разделяя высказанную вами точку зрения, впрель в борьбе за осуществление прав пролетариата и его идеалов мы будем иметь в лице революционной партии «Дашнакцутюн» своего союзника и надеяться в случае угроз или наглых поползновений хищного империализма иметь вас плечом к плечу в своих боевых рядах»³³ (подчеркнуто нами. — М. Х.).

Эти слова произносились именно в то время, когда разбалансировка политической ситуации в Фергане начала обретать центробежный характер. Тураг Рыскулов, побывавший здесь уже после ликвидации «Кокандской автономии», в докладной на имя А. А. Казакова прямо писал, что «фронт создан главным образом отрицательным действием наших советских деятелей с момента Кокандских событий. Во всех событиях в Ферганской области красной нитью проходит провокаторская работа армянской партии «Дашнакцутюн». Отряды Красной Армии вместо борьбы с разбойниками занимались сплошным пьянством, продавали оружие и патроны тем же разбой-

³⁰ Наша газета. 1918. 26 февр.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Там же. 22 июня.

никам. Выезжая в уезды, грабили мирные кишлаки, обвиняя последние в покрывательстве разбойников... Все это действовало на религиозный фанатизм и чувства мусульман и они оттолкнутые бежали и присоединялись к шайкам разбойников»³⁴.

Мусбюро КПТ также подтверждает это. В одном из его постановлений констатируется, что именно «вражда между мусульманами и дашнаками, давшая возможность последним в лице национальной партии «Дашнакцутюн» войти в контакт с местными советскими органами и составить их вооруженную опору... благодаря насилиям, грабежам над мирным населением, способствовала увеличению последних»³⁵ (шаек басмачей.— М. Х.).

Конечно же, все это было использовано антисоветски настроенным клерикалами и феодально-байскими кланами. Причем не только в идеологическом, но и в военно-политическом плане. В одном из документов того времени прямо говорится, что «Иргаш и Мадаминбек играют такую крупную роль, что от них зависит проведение или не-проведение в жизнь на местах распоряжений краевой и местной Советской власти»³⁶.

Если учесть, что эти события развивались на фоне стремительно прогрессировавшего голода, упадка хлопкового хозяйства, промышленности, автоматически влекшего за собой безработицу, крайне непопулярной, как и в целом среди крестьянства страны, политики продразверстки, то становится очевидным, что социально-экономические предпосылки в той же Фергане были таковы, что в ряды басмачества в 1918—1920 гг. наряду с уголовниками, антисоветски настроенными религиозными фанатиками начали рекрутироваться и дехкане. Причем для этого существовали и серьезные идеологические предпосылки. Мы имеем в виду решения туркестанских властей о ликвидации вакуфов, закрытии конфессиональных школ, запрещении судов казиев и др. Если при этом учесть, что в Фергане одна мечеть приходилась на 325 человек, тогда как в целом по Средней Азии каждая мечеть обслуживала потребности 700—1000 человек³⁷, то становится очевидным, что в 1918—1920 гг. в Туркестане, в первую очередь в Фергане, был создан целый комплекс предпосылок для конфронтации между значительной частью коренного населения и Советской властью.

Политические ошибки высших эшелонов власти Туркестанской Республики в конечном счете привели к тому, что многие тысячи людей расплачивались за них своими жизнями. В уже упоминавшейся докладной наркома внутренних дел Туркестанской Республики отмечалось что, «будучи неверно информирован (подчеркнуто нами.— М. Х.), Центр не увидел в настоящем движении политической подкладки и, узрев в басмачах только уголовников-преступников, бросил на подавление их регулярные европейские войска... Это подлило масла в огонь. Было пролито много крови, но без результата. Басмачество не утихало, а наоборот возрастало и достигло таких размеров, что в Фергане со дня на день могла рухнуть власть со всеми вытекающими последствиями»³⁸. Армия действительно оказалась в крайне сложном положении, поскольку «басмаческий фронт резко отличается от других фронтов Советской Федерации», ибо «басмаческие банды имеют громаднейший перевес над частями Красной Армии в знании местности, языка и быта населения, благодаря чему они легче ориентируются в окружающей обстановке».

³⁴ ЦГА УзССР, ф. Р-17, оп. 1, д. 14, л. 74.

³⁵ Там же, д. 10, л. 3.

³⁶ Там же, д. 11, л. 43.

³⁷ Зевелев А. И., Поляков Ю. А., Шишкина Л. В. Басмачество: правда истории и вымысел фальсификаторов. М., 1986. С. 133.

³⁸ ЦГА УзССР, ф. Р-17, оп. 1, д. 45, л. 127.

новке... тогда как части Красной Армии, не имея возможности учитывать своего противника во всех направлениях, принуждены действовать, ловя противника в открытом бою, не давая ему рассыпаться среди населения и избежать прямого удара». Здесь же прямо отмечается, что «основной причиной столь долгого существования басмачества является то, что **само население до последнего времени не сказало своего веского слова бандитам**»³⁹ (подчеркнуто нами.— М. Х.).

Мы особо обращаем внимание на эти аспекты истории борьбы с басмачеством вовсе не для того, чтобы очернить подвиг красноармейцев и чекистов, а для того, чтобы подступиться к документальной оценке того блока факторов, которые, наряду с военной помощью иностранных государств басмачам, фанатически настроенными клериками и феодально-байскими кланами, также детонировали на протяжении нескольких лет взрыв страстей в Ферганской долине. Они важны уже потому, что, как отмечает проф Ю. И. Кораблев, «тема о красном терроре входила в число «закрытых зон», а документы о деятельности чрезвычайных карательных органов исследователям и теперь недоступны»⁴⁰.

Нами обнаружено несколько документов на эту тему. В одной из докладных, адресованных ТуркЦИКу, прямо говорится, что «население при всем желании не могло увидеть в пришельцах (регулярной армии.— М. Х.) избавителей от старого гнета и проводников ко всеобщей диктатуре пролетариата, а увидело в них новых поработителей, пекоряться которым не позволяли ему обычай и религия. Среди племен поднялось брожение, пока не вылилось в яркое выступление. Органы особого отдела и ЧК, услышав об этом и будучи чужды понятию о каком-либо политическом подходе, стали преследовать вожаков движений, хватать направо и налево всех, не исключая предводителей племен, не считаясь с авторитетом, каким пользуются арестуемые, если не расстреливая их, то во всяком случае не прекращали преследования. Многие из преследуемых не выдерживали бесконечного сидения по подвалам особых отделов и принуждены были покинуть насиженные места и скрываться там, куда не проникал зоркий взгляд европейца»⁴¹.

Здесь же особо отмечено, что «наряду с действительно ценными политическими работниками сюда (в Туркестан.— М. Х.) прибывали и малосознательные рабочие, красноармейцы и матросы, абсолютно не знакомые ни с какой историей вообще и в частности с историей Туркестана», которые начали «углублять революцию в кишлаке через организованные органы особых отделов и ЧК, применяя методы, может быть, возможные в Рязанской губернии, но абсолютно непригодные в Туркестане. Если подробно остановиться на фактах возмутительного насилия,— отмечается далее,— чинимых над населением, пришлось бы исписать целые вороха бумаг о подвигах этих лиц, ничего общего с революцией не имеющих. Вызванные расстреливались по наговору двух-трех соседей, а отъявленные контрреволюционеры отпускались по неведомым никому причинам. В Самарканде, например, между карательными органами было соревнование, кто из них больше за ночь расстреляет заключенных». Фактически «прибывшие работники с плеча стали рубить вековое дерево мусульманского строя, попирая вековые обычай страны, топча религиозные чувства старого

³⁹ Советское слово (Орган обкома КПТ и политотдела войск Ферганской области). 1922. 7 окт.

⁴⁰ Страницы истории советского общества: факты, проблемы, люди. М., 1989. С. 58.

⁴¹ ЦГА УзССР, ф. Р-17, оп. 1, д. 45, л. 126.

религиозного фанатика, желая, по-видимому, чуть ли ни в течение одного года сделать из него интернационалиста»⁴².

В другом документе (1922 г.), также адресованном ТуркЦИКу, тоже отмечается, что «руководитель карательного органа и Председатель Памиртройки было одно лицо, которое, конечно, будучи старым работником особого отдела, проникнуто было до глубины души тенденциями, заложенными еще в 1918—1919 годах. Устрашение, за-прещение, наказание — вот те три кнута, на которых базируется все миросозерцание и политическая мысль особиста»⁴³.

Автор докладной, оценивая политические результаты подобного рода подходов, отмечает, что уже «сейчас там, за рубежом, радостно принимают всех бегущих с нашей территории. И растут там злые наветы на Советскую власть, растет количество недовольных нами..., которые, не умея разбираться во всем положении, переносят свое недовольство с отдельных работников на всю Советскую власть, но так продолжаться не может»⁴⁴, поскольку «человек не мертвое вещество, которым можно безнаказанно оперировать с научной целью, да, впрочем, и мертвое вещество, как, например, порох, иногда взрывается и такие эксперименты над живыми людьми, которые совершают особый отдел, в корне недопустимы»⁴⁵.

Подобного рода тенденции подтверждает и другой документ. В докладной записке ЦК КПТ в адрес ЦК РКП(б) именно в этой связи особо отмечается, что «карательные органы, не говоря о необходимости основательной чистки их от авантюристских и т. п. элементов, в общем еще недостаточно приспособились к современным условиям и сплошь и рядом своими действиями вызывают всеобщее волнение и раздражение (Памир, Ош), а порой и национальную рознь и провокацию (Коканд, Наманган, Андижан)». В связи с этим ЦК КПТ особо отмечал необходимость самых определенных директив «со стороны ЦК РКП(б) об очистке карательных органов от нежелательных элементов и подчинении их политическому руководству в лице Средазбюро ЦК РКП(б)»⁴⁶.

Из приведенных выше документов видно, что у В. И. Ленина были очень серьезные основания для известного его поручения А. А. Иоффе разобраться с проблемой басмачества, мотивируя которое, он отметил не только то, что «есть некоторые разногласия по этому вопросу внутри Цека», но и то, что «я лично подозреваю «линию Томского» (может быть, вернее, линию Петерса? или линию Правдина? и т. под.) в великорусском шовинизме или, правильнее, в уклоне в эту сторону»⁴⁷.

Все это, разумеется, ни в коей мере не должно очернить в наших глазах деятельность органов госбезопасности и военных в борьбе с подлинной контрреволюцией, басмачеством. И не только потому, что последнее по своему социальному составу было крайне неоднородным. А потому, что именно туркестанские чекисты были в числе тех, кто первыми начал бить тревогу по поводу обстановки, сложившейся в органах госбезопасности Туркестанской Республики. В недавно опубликованном заявлении коммунистов — сотрудников ТуркЧК в ЦК РКП(б), датированном мартом 1921 г., прямо отмечается, что «как это ни печально, но мы должны сознаться, что коммунист, попадая в карательный орган, перестает быть человеком, а превращается в автомат, который приводится в действие механически. Даже механически мыслит, так

⁴² Там же, л. 125—126.

⁴³ Там же, л. 144.

⁴⁴ Там же, л. 148.

⁴⁵ Там же, л. 147.

⁴⁶ Там же, д. 314, в. л. 698.

⁴⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 189—190.

как у него отнимают право не только свободно говорить, но свободно индивидуально мыслить. Он не может свободно сказать свои взгляды, излить свои нужды, так как за все грозят расстрелом...» Было также отмечено, что сотрудники ЧК «стоят вне политической жизни Республики... в них развиваются дурные наклонности, как высокомерие, честолюбие, жестокость, черствый эгоизм и т. д. И они постепенно, для себя незаметно откалываются от нашей партийной семьи, образовывая свою особенную касту, которая страшно напоминает касту прежних жандармов. Партийные организации смотрят на них, как на прежнюю охранку с боязнью и презрением... Являясь бронированным кулаком партии, этот же кулак бьет по голове партии»⁴⁸.

Конечно же, такая оценка не касалась тех чекистов, которые с честью исполняли свой долг перед народом и революцией. Сегодня мы знаем, что тысячи лучших чекистов решительно выступали против любых извращений в их функциях и практической деятельности, за что многие из них стали жертвами жестоких репрессий периода культа личности. В печати последних лет мы находим тому немало примеров. Так что огульный подход здесь совершенно недопустим, как и в исследовании любых аспектов нашей истории.

Лучшие силы партии во главе с В. И. Лениным решительно боролись с искривлениями в национальной политике, в том числе в Туркестане.

Принципиально важной для понимания механизмов изменения тактических приемов борьбы с басмачеством, осуществленных партией в конце 1921—1922 гг., является позиция военных кругов по этому вопросу. В частности, их мнение о том, что одними репрессивными мерами решить проблему басмачества невозможно. То, что такое понимание имело место, подтверждает, в частности, характер выступлений на заседании РВС Туркфронта, состоявшемся 20 июня 1921 г., т. е. еще почти за четыре месяца до принятия известного решения Политбюро ЦК РКП(б) о введении режима политических уступок в Ферганской области. Так, командующий Туркестанским фронтом В. С. Лазаревич особо отметил необходимость «закреплять военные победы экономическими мероприятиями — это отказ в Фергане от продразверстки, тем более, что продразверстка в районах басмачества дает очень мало результатов и только озлобляет население»⁴⁹. Член РВС Туркфронта П. И. Баранов также «на основании личного впечатления, вынесенного из поездки по Фергане, пришел к заключению, что одними военными средствами ликвидация басмачества невозможна и необходимо срочное проведение ряда экономических мероприятий, которые дали бы для нас благоприятный политический эффект. Такими мероприятиями являются: 1. Немедленное освобождение Ферганы от продразверстки, 2. Образование материального фонда для товарообмена с населением Ферганы, 3. Создание земельного фонда путем выселения из Ферганской области русских поселенцев» и др.⁵⁰

Принявшие в обсуждении этого вопроса Я. Э. Рудзутак, И. Г. Сольц и ряд других товарищев в целом согласились с такой постановкой вопроса. Причем эти подходы были отражены и в принятом по этому вопросу РВС Туркфронта постановлении.

Представляется, что позиция военных примечательна не только своей дальновидностью, но и своим гуманизмом. Ведь к этому времени, как явствует из доклада Н. Тюракулова VI съезду КПТ, только в

⁴⁸ Цит. по: Бордюгов Г., Козлов В., Логинов В. Послушная история или новый публицистический рай: Грустные заметки//Коммунист. 1989. № 14. С. 77—78.

⁴⁹ ЦГА УзССР, ф. Р-17, оп. 1, д. 1197, л. 192.

⁵⁰ Там же, л. 192—192 об.

⁵¹ Там же, д. 45, л. 379.

боевых действиях на территории Туркеспублики погибло и было по-
каленено 200 тыс. человек⁵¹. А по неточным (как особо оговорено)
данным Ю. А. Полякова, всего по стране за годы гражданской войны
в боевых действиях было убито около 800 тыс. человек⁵².

А между тем альтернативные оценки и подходы к болезненным
для сознания коренного населения, да и всех туркестанцев, проблемам
были. Ведь все же в апреле 1918 г. автономия Туркестана была провоз-
глашена. В отношении ислама также были противоположные возоб-
ладавшим на практике подходы и взгляды. В частности, еще летом
1918 г. Наркомат по делам национальностей Туркеспублики инфор-
мировал Москву, что «немедленная социализация вакуфов» таит угро-
зу «не только потери симпатий населения, но даже, быть может, воз-
никновением серьезного недовольства вплоть до активного противо-
действия»⁵³. Здесь же отмечается, что «может также вызвать ослож-
нение и прямолинейное применение декрета Центрального Правитель-
ства о браках и разводах; жизнь мусульманства всецело еще обуслов-
ливается постановлениями шариата и адата», а потому «прямолиней-
ное проведение в жизнь до мелочей новых принципов может только
отшатнуть от Советской власти как раз те группы населения, кото-
рые ныне всецело признают ее авторитет и служат... надежной ее
опорой»⁵⁴. Этот документ заслуживает внимания и потому, что в
1918 г. высшие эшелоны власти Туркеспублики уже располагали право-
мом корректировки тех или иных декретов ВЦИК применительно к специфическим условиям республики. В частности, в телеграмме из
Москвы в адрес Председателя ТуркЦИКа прямо говорилось, что «согласно личных переговоров с тов. Лениным ТуркЦИК имеет право
изменять некоторые пункты декретов, которые резко противоречат бытовым условиям жителей края»⁵⁵.

Однако в 1918—1920 гг. столь широкая самостоятельность так и не была использована краевыми властями в полной мере. В Тур-
кестане возобладали «левацкие» представления о путях «форсирован-
ного» включения коренного населения в социалистическое строитель-
ство. Недаром в октябре 1921 г. с участием В. И. Ленина было при-
нято известное постановление Политбюро ЦК РКП(б), в котором
прямо указывалось на необходимость «признать важнейшей задачей
партийных и советских органов Туркестана ликвидацию басмачес-
тва, для выполнения каковой действия военных и карательных органов
дополнить усилением политической работы среди узбеков и кирги-
зов, встав на путь уступок местному населению вплоть до возвраще-
ния конфискованных вакуфных земель, разрешения местных судов,
проведения амнистии умеренным элементам басмачества и т. д.»⁵⁶
(подчеркнуто нами. — М. Х.).

Этот ленинский документ занимает выдающееся место в истории
борьбы с басмачеством, поскольку он положил начало качественно
новым подходам к решению сложнейшей военно-политической проб-
лемы, равным по своей значимости тому, что мы сегодня называем
новым политическим мышлением, подходам, обозначавшим резкое
расслоение в среде басмачества, приведшим в конечном счете к транс-
формации его в обычный вооруженный бандитизм, не пользовавший-
ся уже какой-либо значительной поддержкой у населения, а потому
и потерпевший историческое фиаско.

⁵² Страницы истории советского общества — факты, проблемы, люди. С. 57.

⁵³ ЦГАОР СССР, ф. 1318, оп. 1, д. 420, л. 22 об.

⁵⁴ Там же, л. 23 об.

⁵⁵ Цит. по: Гордиенко А. А. Образование Туркестанской АССР. М., 1968. С. 245.

⁵⁶ Ким П., Хасанов М. Басмачество: 1921—1924 гг. // Звезда Востока. 1989. № 6. С. 145.

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

1988

5

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

ВСТРЕЧИ ЗА «КРУГЛЫМ СТОЛОМ»

СОВЕЩАНИЕ ПО ПРОБЛЕМЕ
«НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В УЗБЕКИСТАНЕ
80—90-Х ГОДОВ XIX ВЕКА»

23 декабря 1987 г. в Ташкенте состоялось совещание по проблеме «Национально-освободительное движение в Узбекистане 80—90-х годов XIX века», организованное Институтом истории АН УзССР с участием представителей братских республик Средней Азии и Казахстана.

Совещание открыла директор Института истории АН УзССР Р. Я. Раджапова, подчеркнувшая, что в связи с подготовкой восьмитомной «Истории Узбекской ССР» Институт наметил в ближайшие 2—3 года провести ряд научных конференций, «круглых столов», совещаний по наиболее дискуссионным вопросам исторической науки Узбекистана, в том числе по проблемам истории национально-освободительного движения в Средней Азии второй половины XIX — начала XX в.

Внимание участников совещания было обращено на важность дальнейшего осмысления этих проблем, выявления характера и степени их изученности; необходимость обстоятельного обсуждения малоизученных аспектов, «белых пятен» истории национально-освободительного движения; широкого обмена мнениями по ряду выводов, оценок, нуждающихся сегодня в пересмотре, уточнении в свете новейших данных исторической науки.

В ходе перестройки и революционного обновления советского общества стратегия партии опирается на знание закономерностей и особенностей общественного развития, обобщение исторического опыта, умение извлекать уроки истории. В этих условиях неизмеримо возраст интерес к истории, повысились социальная роль исторических знаний в жизни общества и значение самой исторической науки. Ориентирами здесь служат прежде всего документы и материалы, вышедшие в связи с 70-летием Великого Октября, и особенно доклад М. С. Горбачева «Октябрь и перестройка: революция продолжается», которые стимулируют творческий поиск ученых, углубленную разработку целых направлений, выдвижение новых тем. Не обойдена вниманием и история национально-освободительного движения в нашей стране: выдвинуты вопросы об оценке ряда аспектов освободительного движения, формирования предпосылок социалистической революции.

В плане постановки этих вопросов в Узбекистане представляют интерес такие сюжеты, как природа джидидизма, «Шурун-ислам», их место в политической и культурной жизни предреволюционного и революционного Туркестана. Нуждаются в дополнительном изучении некоторые аспекты национально-освободительного движения второй половины XIX в., революции 1905—1907 гг., восстания 1916 г.; вопросы периодизации истории всего национально-освободительного движения, его слияние с революционным движением в Центральной России.

Достаточно ли полно и правильно освещены историками все аспекты закономерностей и особенностей социальной сущности национально-освободительных движений в конкретных исторических условиях Средней Азии и их эволюция? Обсуждение дискуссионных вопросов о характере Андижанского восстания 1898 г. на страницах журнала «Общественные науки в Узбекистане» (статьи Э. Ю. Юсупова и Б. В. Лунина, М. Г. Вахабова, Х. З. Зияева) показало, что в исторической литературе по проблемам национально-освободительного движения в Средней Азии есть еще немало вопросов, которые продолжают привлекать к себе внимание исследователей. Их постановка и обсуждение и стали задачей данного совещания.

С докладом «Национально-освободительное движение в Узбекистане в 80—90-х годах XIX в.» выступил Х. З. Зияев (Институт истории АН УзССР), подчеркнувший, что в прошлом проводилось немало научных конференций и совещаний, посвященных истории национально-освободительной борьбы народов Средней Азии и Казахстана, но зачастую они не носили характера дискуссий. Ныне, в условиях гласности и демократии, сложились более благоприятные условия свободного обмена мнениями по узловым и спорным вопросам.

Критикуя концепции отдельных авторов, считавших Андижанское восстание 1898 г. реакционным и антинародным движением, докладчик высказал свои суждения по вопросу о роли и месте в восстании оппозиционной части местной знати,

о религиозном лозунге «газавата», о степени достоверности сведений насчет подстрекательства иностранных государств и т. д. Возникновение восстания, включавшего представителей различных слоев населения — узбеков, киргизов, таджиков, — обусловливалось той политической и экономической ситуацией, которая складывалась зачастую в условиях господства иноземных завоевателей в той или иной стране. В этих условиях местная знать, в значительной мере лишенная былой власти и привилегий, потенциально становилась одной из оппозиционных сил, направленных против иноземного господства. Наиболее активная ее часть стремилась использовать в своих целях и массовые народные движения, учитывая и то, что иноземцы исповедуют религию, противоположную верованиям местного населения. Именно так, по словам докладчика, складывались обстоятельства в Туркестанском крае, где царизм, сосредоточив в своих руках всю полноту политической власти и экономические рычаги жизни края, нанес ощущимый удар по интересам и престижу местной знати.

К тому же край был превращен в сырьевую базу и рынок сбыта для промышленности метрополии, что также наносило существенный урон интересам всех кругов населения, независимо от их социального происхождения и положения.

В свете всего сказанного борьба против царизма в известном плане и на определенных этапах становилась порой общей задачей как оппозиционных групп местной знати, так и угнетенных масс. Поскольку же господствующей идеологией тогда была религия, лозунг «газавата» придавал этой борьбе религиозную окраску, что, однако, ни в коей мере не сглаживало социальных противоречий и классовой борьбы. Здесь каждая социальная группа восставших боролась за свои классовые интересы.

Докладчик на основе изучения архивных источников пришел к выводу, что движение 1898 г. имело глубокие социальные корни в тех условиях, которые сложились в то время в крае. Поэтому, по его мнению, беспочвенны утверждения некоторых авторов, будто бы восстание 1898 г. было направлено «против русских вообще».

Национально-освободительные движения 80—90-х годов XIX в. в Ферганской долине возникали на почве обострения социальных противоречий и классовой борьбы, порожденных колониально-феодальными порядками в крае. Основной движущей силой их были угнетенные массы, чем прежде всего и определяется их социальная сущность. Эти движения носили антиколониальный характер. А поскольку царизм в своей колониальной политике опирался на сохранявшиеся в крае феодальные и феодально-патриархальные отношения, антиколониальные выступления угнетенных масс переплетались с антифеодальной борьбой. Проявлением этой борьбы были убийства представителей местной знати, разгром их домов и т. п.

Поскольку же господствующей идеологией в крае того времени был ислам, движения принимали в той или иной мере религиозную окраску, что отнюдь не меняло действительного характера выступлений масс.

В ходе Андижанского восстания произошло сражение с военным гарнизоном города, что было первым подобным случаем в истории народных движений в крае. Если учесть тот факт, что армия была решающей силой и опорой колониальных властей, то история восстания приобретает еще более важное значение.

Затем с докладом «О характере восстания 1898 г. в Фергане» выступил К. У. Усенбаев (Институт истории АН КиргССР). Он согласился с данной Х. Зияевым оценкой социальной сущности восстания как проявления антиколониальной и антифеодальной борьбы трудящихся масс. Вместе с тем необходимо продолжать работу по сбору материалов для обоснования антифеодальной направленности восстания, которая менее ясна в сравнении с антиколониальной его направленностью.

Докладчик обратил внимание на активное участие киргизов в национально-освободительном движении в Ферганской долине, подчеркнув, что характер того или иного выступления, в том числе национального, зависит от его причин, движущих сил и тех целей, которые ставят восставшие. Причиной Андижанского восстания 1898 г. послужил в первую очередь усилившийся колониальный гнет, и это восстание было направлено своим острием против царского самодержавия, являвшегося «главным оплотом варварства, зверства и реакции как в Европе, так и в Азии»¹.

Восстание встретило поддержку со стороны коренного населения Ферганской долины, чем и объясняется отсутствие у царской администрации сведений о готовящемся восстании. Население Семиреченской и Сырдарьинской областей также в значительной мере сочувственно восприняло весть о восстании.

Остановившись на характере восстания и его оценке, докладчик отметил, что движущую силу его составляли киргизские, узбекские и таджикские трудящиеся дехкане и ремесленники, доведенные до полного разорения. Вместе с тем состав восставших по их социальному положению был неоднородным. Хотя ядро его и составлял трудовой люд, но активное участие в нем принимали и представители феодальной знати, как всегда преследовавшие свои корыстные цели, не имеющие ничего общего с интересами рядовых повстанцев. К этому следует добавить, что такие феодалы, как Мадали-ишан (Мухаммед-Али Сибир Суфияев), Мулла Ахмед Наиб и другие, пытались руководить выступлением трудящихся и направить его в вы-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 316.

годном для себя направлении. Для достижения своих целей с помощью лозунга «газавата» они пытались поднять коренное население против русских, притупить остроту социальных противоречий и направить классовую борьбу в религиозное русло.

Представители феодально-клерикальной знати боролись за укрепление патриархально-феодальных устоев, восстановление средневековых ханских порядков. Поэтому их действия были реакционными.

Однако характер национального восстания прежде всего определялся его движущими силами, а не одними действиями и целями его руководителей, и потому нельзя сводить сущность выступления народных масс лишь к целям и роли его руководителей.

Восстания, проходившие под религиозными лозунгами, далеко не всегда носили реакционный характер. Повстанцы выступали против колониального гнета, за национальную свободу.

Восстание 1898 г., охватившее значительную территорию, своим остротом было направлено против царского самодержавия, а движущую силу его составляли трудящиеся, боровшиеся за свои социальные и национальные интересы, не имевшие ничего общего с целями и задачами феодально-клерикальной знати. Это восстание носило народный и национально-освободительный характер, хотя ему были присущи и некоторые теневые стороны, связанные с действиями представителей феодальной знати.

Надо иметь также в виду, что восстание 1898 г. возникло и протекало в пролетарский период освободительного движения в России, следовательно, в лице основной массы участников оно, как и последующие национально-освободительные движения эпохи империализма, были одним из проявлений освободительной борьбы народов страны.

Выступивший в прениях по докладам У. Х. Шелекенов (КазГУ) в основном согласился с мнениями докладчиков. Андижанское восстание 1898 г., сказал он, было крупным событием для своего времени, серьезным отпором царизму.

В решениях XXVII съезда КПСС подчеркивается необходимость объективного подхода к оценке исторических событий. С этой точки зрения, Х. З. Зияев оценил Андижанское восстание 1898 г. объективно и правильно.

Докладчики затронули вопрос о грамотности или неграмотности Мадали-ишуна. Но чтобы быть руководителем восстания, не обязательно быть грамотным. Так, руководители крестьянских восстаний Емельян Пугачев, Степан Разин были неграмотными. Совершенно правильно отметил Х. Зияев и то, что трудовое коренное население отличало царскую администрацию от русского народа.

Трудящиеся массы находились тогда под двойным гнетом — со стороны колонизаторов и местных феодалов. Это относится и к народам Казахстана, которые также боролись против своих поработителей. Достаточно напомнить о выступлении казахов низовьев Сырдарьи против царской администрации, Хивинского и Кокандского ханств в первой половине XIX в.

К. Касымбеков (АндГПИ) отметил, что хотя восстание было жестоко подавлено, Андижанское восстание стало сигналом для распространения народных движений на другие области края. Так, имеются материалы, свидетельствующие об активном участии жителей Бухары, Джизака и Самарканда в движении 1898 г., а также о сочувствии восставшим со стороны жителей Аулиеатинского, Чимкентского, Казалинского уездов.

Имеем ли мы право связывать выступления трудящихся только с именем Мадали-ишуна, мюриды которого составляли незначительное меньшинство по сравнению с восставшим трудовым людом? Ишан и его мюриды не только не могли быть движущей силой восстания, а, напротив, тормозили движение, сковывали политическую активность масс, стремились направить это движение по ложному пути. Вообъще было бы правильнее называть движение 1898 г. не Андижанским восстанием, а восстанием трудящихся Ферганы.

Происходившие в 1898 г. выступления в Фергане и других областях Туркестанского края были вызваны не «мусульманским фанатизмом» и «не иностранными кознями», как утверждали многие дореволюционные историки и царские чиновники, а стали следствием угнетения и грабежа трудящихся масс царизмом. Их борьба против колонизаторов в 1898 г. должна быть признана антиколониальной, антифеодальной, прогрессивной, объективно направленной против царизма.

Некоторые исследователи ошибочно ищут истоки народного движения в религиозном фанатизме и рассматривают его как «бунт ревнителей старины». Восстание было обусловлено объективными социальными причинами, порожденными феодально-капиталистическим гнетом царских и местных эксплуататоров. Своеобразие его состояло в том, что, будучи демократическим, антиколониальным и антифеодальным по своей сути, оно вместе с тем обрело религиозную оболочку. Примечательно, что движение народных масс продолжалось и после подавления восстания 1898 г. Так, в 1896—1899 гг. в Туркестане произошло до 650 разных выступлений трудящихся.

А. М. Юлдашев (ТашГПИ) отметил, что главной проблемой в оценке Андижанского восстания является то, что одни историки приходят к выводу, что оно носило по преимуществу антиколониальный, национально-освободительный характер,

а другие причисляют его к группе наиболее реакционных, узоклассовых, не имевших широкого распространения движений клерикального порядка. Между тем факты показывают, что это освободительное движение было массовым, охватывало большой регион и многие народности. У тружеников Ферганской долины сохранились глубокие и яркие воспоминания об этом событии. Все это дает нам основания считать его крупным событием в истории нашего региона.

О состоянии земельно-водных, классовых и социальных отношений к моменту возникновения восстания можно получить представление при внимательном изучении Положения об управлении Туркестанского края 1886 г. и последующих изменений его. Анализ этого документа свидетельствует о глубоких изменениях в экономике, аграрных отношениях в крае. Это восстание произошло в период, когда страна вступала в эпоху империализма. Здесь, на колониальной окраине, переплетались интересы военно-феодального империализма и российского крупного капитала. С этой точки зрения важно отметить упоминание В. И. Лениным восстания 1898 г. в «Тетрадях по империализму».

Характеристика этого восстания должна быть такой, какими были реальные события в то далекое время. Между тем превратная характеристика его дана не только в научных трудах, но и в учебниках по истории Узбекской ССР. Было бы неплохо создать специальный историографический очерк о данном восстании. Известная обзорная статья Э. Ю. Юсупова и Б. В. Лунина предоставляет для этого широкое поле деятельности.

Явно недостаточна насыщенность последних научных исследований по дореволюционному периоду архивными материалами. Необходимо исследовать документы Московского областного исторического архива. Надо также отходить от порочной практики «монополизации» разработки той или иной проблемы. Такое сложное событие, как восстание 1898 г., требует комплексного, всестороннего, колективного исследования.

А. С. Садыков (ТашГУ) выразил согласие с мнением о том, что восстание 1898 г., несмотря на его религиозную окраску, было народным движением, которое вместе с другими выступлениями утесенных масс расшатывало устои колониально-феодальных порядков в дореволюционном Узбекистане, в том числе в Хивинском ханстве.

К сожалению, в исторической литературе почти отсутствуют сведения об освободительных движениях тружеников Хивинского ханства в конце XIX — начале XX в. Изучение новых документов поможет растианию различных этапов, характера и значения освободительного движения в Хиве.

Появление на страницах журнала «Общественные науки в Узбекистане» статьи Э. Ю. Юсупова, Б. В. Лунина, М. Г. Вахабова, Х. З. Зияева показало, что некоторые вопросы истории освободительного движения народных масс Средней Азии конца XIX — начале XX в. требуют дальнейшего изучения.

Народно-освободительное движение в Хивинском ханстве убедительно свидетельствует о нарастании освободительного движения в Средней Азии в целом. Представляется, что можно выделить три этапа освободительного движения в Хивинском ханстве. Первый этап — до революции 1905—1907 гг. — характеризуется разрозненными стихийными выступлениями крестьян и ремесленников, второй — освободительная борьба народов до февраля 1917 г., третий — после Февральской революции 1917 г.

Изучение архивных данных показывает, что народные движения в ханстве проходили довольно остро и проявлялись в самых различных формах: подача жалоб и прошений, отказ от платежа податей и отбывания феодальных повинностей, наконец открытые антифеодальные выступления крестьян. Особо широкое распространение в конце XIX — начале XX в. получила такая форма протеста, как уход крестьян из пределов ханства в Туркестанский край.

С 80-х годов XIX в. отмечается участие в крестьянском движении и некоторой части горожан, что свидетельствует о постепенном перерастании антифеодальной борьбы крестьян в антиколониальную, направленную против царских властей. Царизм и ханское правительство сознательно разжигали национальную рознь, натравливали один народ на другой. Оберегая классовое господство и сословные привилегии феодалов, царизм превращал их в своих верных вассалов.

Крестьянские выступления в тот период были неорганизованными и в большинстве случаев носили локальный характер.

Официальные документы царских чиновников не отражают действительной острой недовольства тружеников масс в 90-х годах XIX в. Если судить по этим документам, ханская власть базировалась на прочной основе. На самом же деле, доведенные до отчаяния труженики Хивы неоднократно выступали против хана и феодалов, а царизм всячески помогал подавлять эти выступления масс. А потому в начале XX в. выступления против ханского режима начинают сливаться с выступлениями и против царской власти.

Таким образом, антифеодальное и антиколониальное сопротивление масс развивалось от низших форм стихийного, пассивного сопротивления до активных колективных выступлений.

А. Я. Соколов (ТашГУ) отметил, что со времени выхода в свет второго тома третьего издания «Истории Узбекской ССР» прошло 20 лет. За это время ряды специалистов по истории Узбекистана пополнились молодыми учеными, созданы новые научные труды и в целом историческое познание продвинулось вперед. В связи с этим, тем более в условиях перестройки, появилась потребность в издании нового, еще более научно обоснованного обобщающего труда по истории Узбекистана.

Имеются проблемы, не служившие до сего времени объектом научного исследования, а также проблемы и факты, требующие нового подхода и осмысливания, современной методологии и дополнительного поиска источников и фактов. Таковы, например, вопросы, связанные с уточнением периодизации, которая должна отражать ход развития как мировых, так и внутренних социально-экономических формаций, а не одного (пусть даже очень важного) исторического события регионального характера, как, скажем, присоединение Средней Азии к России и связанные с этим исторические последствия для Туркестанского края.

В современной советской историографии имеются исследования, теоретические положения и фактический материал которых позволяют более точно определить роль европейского банковского и промышленного капитала в развитии экономической и политической жизни региона.

В Туркестане шли процессы, связанные с формированием капиталистических отношений, в условиях перехода капитализма в империалистическую стадию в передовых странах Европы и в России. В специфических условиях края шел процесс капиталистического накопления за счет ограбления народа международным, а в большей степени российским империализмом в сочетании с эксплуатацией «своего» народа местными угнетателями-феодалами.

Духовенство следует рассматривать не как целостно единое сословие, не только потому, что оно делилось на высшее и низшее, но и по тому, как и насколько по своим интересам оно сближалось с другими социальными группами и насколько эти группы отражали в своей деятельности старую, феодальную идеологию. Буржуазная идеология лишь начинала отделяться от феодальной, а следовательно, в ней не было еще четкого отражения буржуазных интересов; отсюда и отсутствие четкой программы борьбы за свои права.

Предлагаемый подход к оценке восстания 80—90-х годов неминуемо приводит к необходимости изучения проблемы развития абсолютизма в колониальных странах.

Появление новых социальных групп вызывает потребность в централизации не только производства, но и государства. В Туркестане администрация, взявшая в свои руки функции центральной власти края, была вынуждена проводить политику протекционизма в отношении местной буржуазии и в то же время решать задачи укрепления абсолютизма. Этим и объясняется антиколониальная направленность рассматриваемых восстаний.

В новом обобщающем труде по истории Узбекистана желательно увидеть процесс зарождения идеологии буржуазного национализма, просветительства, правильную и глубокую оценку джадидского движения и джадидской печати в целом.

Б. В. Лунин (Институт истории АН УзССР) посвятил свое выступление аналитическому рассмотрению вопроса о сущности и значении записей В. И. Ленина об Андижанском восстании 1898 г. Такое рассмотрение должно быть свободно от произвольных, субъективных суждений, чисто иллюзорных догадок и предположений, попыток что-то «домысливать» за Ленина. Недопустимо подменять здесь и объективный анализ вольным или невольным стремлением нарочито «подгонять» сущность ленинских записей о восстании 1898 г. в пользу и в подтверждение точек зрения полемизирующих между собою исследователей вопроса.

Прежде всего важно учесть, что мы имеем дело с двумя разновременными записями В. И. Ленина об Андижанском восстании 1898 г. (в конспективной записи при чтении книги П. Е. Кузнецова и после чтения книги Эгельгафа, следуя которой и другим источникам, Ленин отметил восстание 1898 г. в составленной им таблице — «Опыт сводки главных данных всемирной истории после 1898 года» в графе «Колониальная политика»).

Это заставляет нас придавать особое значение ленинским записям, свидетельствующим о том, что события 1898 г. обратили на себя серьезное внимание В. И. Ленина.

Не менее поучительно и то, что характер ленинских записей по книге Кузнецова едва ли вызывает сомнения в том, что В. И. Ленин явно не воспринимал официальной точки зрения в объяснении причин восстания 1898 г. Образно говоря, он как бы пренебрежительно «отмахнулся» от этой точки зрения: «автор предостерегает и впредь» (ср. с общей пометкой по книге Кузнецова: «Точка зрения, кажись, казенная»).

Наконец, заслуживает пристального внимания тот факт, что В. И. Ленин внес отметку о восстании 1898 г. в упомянутую таблицу наиболее примечательных исторических событий по графе «Колониальная политика», вслед за событиями, связанными с колониальной экспансией царизма в Средней Азии («Россия берет Коканд... Бухару... Хиву... Мерв»).

Из этого яствует, по нашему убеждению, что при существующем положении

дел (как известно, мы не имеем прямых ленинских оценок характера и сущности событий 1898 г., а строить на сей счет субъективно-гадательные предположения нельзя и незачем) все же можно и должно сделать тот убедительный и наиболее вероятный вывод, что в Андижанском восстании В. И. Ленин во всяком случае видел определенную и прямую реакцию на колониальную политику царизма, одно из ее последствий. Это уже само по себе очень важно в историографическом плане и побуждает историков к еще более глубокому и всестороннему изучению Андижанского восстания 1898 г.

Собравшимся был зачитан текст письма М. Г. Вахабова (Институт истории партии при ЦК КПУз), в котором говорилось: «Хотя я более 20 лет ждал такого совещания, однако, по состоянию здоровья, не имею возможности принять участие. Чем я очень огорчен. Я, кроме оценки выступлений Мадали ишана 17 мая 1898 года, с моими коллегами ни в чем не расхожусь. Что касается выступления Мадали ишана в ночь 17 мая 1898 года, то я свой тезис изложил и обосновал в своей статье, опубликованной в журнале «Общественные науки в Узбекистане» (№ 7 за 1987 г.).

Если у моих коллег есть факты, отвергающие мой тезис, то я имею право настаивать на нем. Пусть об этом судят участники совещания.

Что касается тона моей статьи, о чем сказано в замечании редакции журнала, то я свою статью писал в соответствии с тоном статьи против меня, приписывавшей мне право вынести «приговор, не подлежащий обжалованию».

Пусть эти вопросы не отводят внимание совещания в сторону от главного. Они могут быть предметом обсуждения в соответствующих формах и в соответственных учреждениях.

Прошу Вас довести данное письмо до сведения моих коллег — участников совещания.

Желаю успешного разрешения поставленной проблемы».

Н. К. Күшебаев (КазГУ) заметил, что все доклады и выступления, сделанные на совещании, базируются на большом источниковедческом материале. Что касается отдельных вопросов, как, скажем, грамотным или неграмотным был руководитель восстания Мадали-ишан, то это вообще не имеет никакого значения. История знает множество примеров, когда неграмотные люди выступали против притеснителей, добиваясь своих классовых целей.

Крестьянские антиколониальные и антифеодальные восстания не должны исследоваться в отрыве от пролетарского, рабочего движения.

Что касается термина «против русских» применительно к Андижанскому восстанию 1898 г., то в исторической науке его не следует употреблять, потому что в истории нет восстаний одних народов против других.

Исследуемые нами вопросы антиколониального крестьянского движения в Средней Азии и Казахстане связаны в широком плане именно с движением народов восточных стран против империализма, поэтому было бы хорошо связать это движение с мировым освободительным движением.

Х. Н. Бабабеков (ТашГПИ) отметил, что среди историков Средней Азии и Казахстана ныне вновь развернулась широкая дискуссия по оценке Андижанского восстания 1898 г. Одни считают его реакционным, другие прогрессивным. Вызывает разногласие и определение этого восстания как национально-освободительного или народно-освободительного движения.

В принципе Х. Н. Бабабеков выразил согласие с основными выводами Х. З. Зияева о том, что Андижанское восстание 1898 г. было прогрессивным явлением. Анализ ситуации позволяет считать, что независимо от личности руководителя движения, восстание обязательно произошло бы. Вся сложившаяся в области обстановка свидетельствует именно об этом. О наличии предпосылок к восстанию говорят и народные вооруженные выступления, проходившие в Ферганской области в 1883—1887 гг., в Ташкенте в 1892 г. и др.

Народным недовольством, однако, воспользовались представители феодального класса и духовенства, чтобы использовать гнев народа в своих узокорыстных целях, ради захвата власти.

Некоторые докладчики считают Андижанское восстание антифеодальным. Однако этот вопрос требует более глубокого изучения.

Вряд ли нужно считать это восстание и национально-освободительным. Хотя в нем принимали участие представители разных коренных народностей, но тогда они еще не сформировались в нацию (например, узбеки и кипчаки еще не сформировались в единую узбекскую нацию и т. д.). Идеология восстания не включала национальные вопросы. Но все это требует дальнейшего глубокого исследования.

Представляется, что движение носило народно-освободительный характер и было пропрессивным.

Как показывает анализ архивных материалов, колониальная администрация пытала всячески признать значение Андижанского восстания, оценивая его лишь как выступление небольшой группы фанатиков.

По мнению Х. Н. Бабабекова, не следует рассматривать восстание 1898 г. как выступление населения всей Ферганской долины, ибо восстание происходило в основном в Андижанском районе.

А. А. Тактаев (ТашГУ) выразил согласие с мнением о том, что восстание 1898 г. было направлено против колониальной политики царизма. Он считает, что вместо термина «русская администрация» правильнее употреблять термины «царская администрация», «колониальная администрация».

Поскольку ныне многие архивные материалы, касающиеся этого крестьянского движения, стали более доступными, надо уделить особое внимание еще более подробному и глубокому изучению данного вопроса. К тому же документы, написанные на арабском шрифте, пока вообще не затронуты.

Андижанское восстание — действительно весьма сложное политическое, социально-экономическое явление. Поэтому еще раз необходимо внимательно изучить его социально-экономические предпосылки. И последнее: важнейшая функция государства на Востоке — осуществление общественных ирригационных работ. К сожалению, этот вопрос вовсе не был затронут на совещании.

Ж. К. Касымбаев (КазГПИ) огнистил, что по обсуждаемому вопросу высказано два противоположных суждения: некоторые считают, что это восстание носило реакционный, антирусский характер, а подавляющее большинство относит его к проявлению национально-освободительной борьбы трудящихся Ферганской долины. В этом вопросе Ж. К. Касымбаев солидарен с докладчиками.

Средняя Азия и Казахстан как составные части многонациональной Российской империи не могли не испытывать всевозрастающего влияния колониальной политики царизма. Надо уяснить, в какой степени колонизаторская политика царизма проявлялась в жизни, какие ее моменты и аспекты вызывали протест со стороны трудового населения. Они должны быть более подробно и обоснованно освещены в таких капитальных трудах, как восьмитомная «История Узбекской ССР».

Участие джекан, ремесленников и других представителей угнетенных масс в Андижанском восстании 1898 г., а также в других выступлениях в Ферганской области требует дополнительного освещения. То, что против политики царской администрации совместно выступали казахи, узбеки, киргизы и другие, говорит о наличии интернациональных оттенков этого восстания. Ученые Казахстана изучают историю национально-освободительных движений и под этим углом зрения.

Нельзя говорить в утвердительном смысле об антирусском характере событий 1898 г. Это было бы односторонне, однобоко и поверхностно.

Хотя восстание возглавляли представители феодалов, преследовавшие свои узокорыстные цели, они были лишь попутчиками восстания, а в целом оно носило национально-освободительный характер.

Надо поддержать мнение А. А. Тактаева о том, что следовало говорить и о земельно-водной политике царской России в Средней Азии и Казахстане, которая также была одной из причин недовольства масс. Эти вопросы должны найти свое отражение в публикациях исследователей.

В специальных работах должны быть рассмотрены и вопросы военной тактики участников народно-освободительного движения, ибо отсутствие знаний военной тактики было одной из причин поражения народных выступлений.

Н. А. Абдурахимова (ТашГУ) высказала мнение, что только на основе изучения и характеристики административного устройства Туркестанского края и действий колониальной администрации можно уяснить реальные причины, которые привели к восстанию 1898 г.

Внутренняя организация края была проведена в духе крепостническо-административных традиций и исходила из интересов не народов Средней Азии, а военизированной бюрократии царской России.

Царизм прежде всего заботился о повышении доходности своих колониальных владений. Именно этому должна была содействовать организация в конце 80—начале 90-х годов XIX в. таких учреждений, как Туркестанский таможенный округ, институт податных инспекторов и др.

Судебные преобразования, осуществленные в Туркестане в 90-х годах XIX в., знаменовали собой относительно последовательное претворение в жизнь буржуазных принципов судоустройства и судопроизводства. В целом они соответствовали потребностям эксплуатации среднеазиатских колоний капиталистическими методами.

Полицейский надзор за населением был ужесточен путем создания в 90-х годах института участковых приставов.

В. И. Ленин, характеризуя различные буржуазные преобразования в социально-экономическом и политическом строе России периода капитализма, неизменно подчеркивал, что реформы царизма «не могут не быть крепостническими по всему своему облику, не могут не сопровождаться режимом всяческого насилия»².

Эта особенность в полной мере присуща и системе «военно-народного управления», крепостническая суть которого осталась неизменной в самом главном, а именно в отношении к трудящимся массам Туркестанского края.

В борьбе против революционного и национально-освободительного движения колониальная администрация постоянно расширяла понятие «государственное преступление», включая в него любое выступление против тех или иных должностных лиц.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 172.

Метод насилия и репрессий, занимавший господствующее положение в действиях туркестанского колониального аппарата, дополнялся шовинистической политикой главы этого аппарата, генерал-губернатора, барона А. Б. Вревского (1889—1898 гг.), который управлял краем в очень сложный для царизма период.

Народные волнения и восстания 90-х годов XIX в. охватили почти все уезды Ферганской области. Происходили и стачки рабочих на строительстве Закаспийской железной дороги. Зарождалось рабочее движение на промышленных предприятиях.

Во всех звеньях колониального аппарата существовали казнокрадство, взяточничество, злоупотребления служебным положением, выражавшееся в самовольном повышении норм сбора податей и повинностей, продаже должностей волостных и сельских управителей, вымогательствах, подлогах и т. д. Об этом свидетельствовали многочисленные жалобы тружеников в разные инстанции.

Политика царской администрации вызывала недовольство трудовых масс и нарастание классовой борьбы. Примером тому могут служить и события 1898 г.

Факт вооруженного восстания тружеников, их схватки с правительственными войсками подтверждает нарастание более радикальных форм классовой борьбы в Туркестане. Это положение четко аргументировано в выступлениях многих участников совещания.

Антиколониальный, национально-освободительный характер Андижанского восстания нисколько не умаляется тем, что среди его руководителей оказались феодалы и ишаны, выдвинувшие реакционный лозунг «газавата». Социальные истоки этого восстания глубоко народны.

Рекомендации совещания

1. Констатировать, что учеными-историками республик Средней Азии и Казахстана, как и историками Москвы, Ленинграда и других центров страны, осуществлена большая и плодотворная работа по изучению народно-освободительных движений на территории региона во второй половине XIX—начале XX в. В результате предпринятых исследований воссозданы основные страницы этой важнейшей сферы истории социально-экономической и общественно-политической жизни народов Средней Азии и Казахстана.

2. Вместе с тем следует констатировать, что еще не все аспекты и конкретные проявления народно-освободительных движений во всем их многообразии изучены с достаточной полнотой, что влечет за собой и различные, нередко противоречивые, спорные точки зрения и позиции исследователей, как, например, в вопросе о социальной сущности и характере народных движений в 80—90-х годах XIX в.

Отсюда вытекает необходимость сосредоточения дополнительных усилий историков на еще более глубоком и всестороннем изучении всех этапов, форм и проявлений народно-освободительных движений на территории Средней Азии и Казахстана.

3. Совещание рекомендует в качестве подлежащей дополнительному и тщательному изучению на основе марксистско-ленинской методологии следующую примерную тематику исследовательских работ:

а. История ранних этапов освободительной борьбы трудового дежканства (стихийные, разрозненные выступления против феодального, а затем и колониального гнета, произвола и карательных мер властей, обременительной системы налогового и податного обложения, злоупотреблений низовой администрации). При этом необходимо проследить на конкретных фактах нарастающий процесс перехода от пассивных к более активным формам социального сопротивления масс.

б. Дополнительное изучение степени непосредственного влияния событий первой народной революции 1905—1907 гг. в России на ход освободительной борьбы крестьянских масс кишлака и айла (соотношение между издавна известными формами социального протesta масс и проявлениями под влиянием нараставших революционных событий более широкой, более организованной и политически осознанной классовой борьбы трудового дежканства).

Совещание высказывает и за более широкое обращение историков к далеко еще не изученным данным периодической печати на местных языках и документальным материалам, сосредоточенным в центральных и республиканских архивах (ЦГВИА СССР, ЦГА УзССР и других республик и т. п.).

Целесообразно, в частности, шире использовать материалы судебных процессов по политическим делам 1905—1907 гг., а также осуществить подготовку к печати фундаментального сборника воспоминаний участников революционных событий в Средней Азии и Казахстане, которые пока разбросаны по самым различным, во многом уже библиографически редким изданиям, а частично еще не опубликованы.

в. Дополнительное изучение переселенческой политики царизма и ее социальных последствий прежде всего под углом зрения сближения на почве общности классовых интересов беднейшей части коренного населения с беднейшей частью

русских и других переселенцев и зарождения между ними дружественных отношений, а в последующем и совместных выступлений против социального и национального гнета.

г. Более полное и тщательное изучение вопроса о проявлениях (зарождение и развитие) в ходе освободительной борьбы братского содружества трудящихся разных национальностей (демонстрации, манифестации, стачки, забастовки, открытые выступления и т. п.) как предпосылки слияния народно-освободительных движений с революционным рабочим движением.

д. Внесение уточнений в социальную характеристику народного восстания 1916 г. в связи с высказанными в литературе мнениями о якобы комплексном и одновременном сочетании в нем черт, присущих и характерных для восстаний антицаристского, антивоенного, антиколониального, антифеодального, антиимпериалистического, национально-освободительного и общенародного характера.

Что касается широко обсуждавшегося на совещании вопроса о социальной природе Андижанского восстания 1898 г. и его последствиях, то Совещание констатирует, что главенствующим в выступлениях всех его участников было убеждение, что несмотря на сложность и противоречивость событий 1898 г., они отражали в своих истоках проявление массового недовольства деяканства Ферганы. Возглавленное в силу стечения объективных и субъективных факторов представителем косных феодально-клерикальных кругов восстание 1898 г. в целом по своей социальной сущности носило тем не менее явные черты открытого антиколониального выступления масс и тем самым вливалось в общее русло освободительного движения, подрывавшего устои колониального режима царизма в Средней Азии. Андижанское восстание нельзя также рассматривать вне связи с антифеодальными выступлениями трудящихся Ферганской долины в 80—90-е годы XIX в.».

3. Файзиева